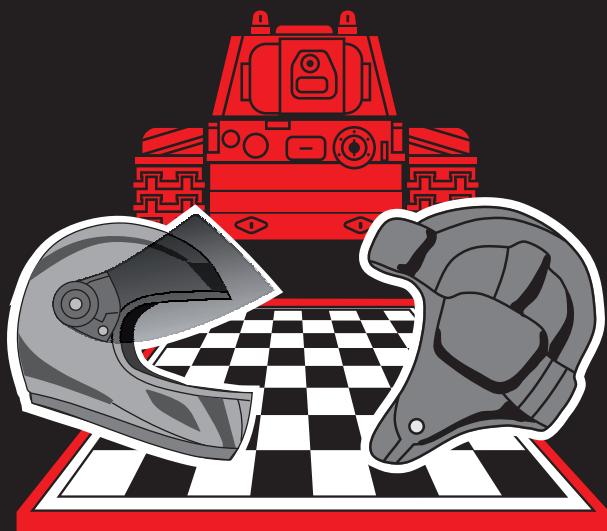

МОТОПРОБЕГ

«ЗАЩИТА КОЛОБАНОВА»

43:1

Танковый бой под Войсковицами

19 августа 1941 года на ближних подступах к Ленинграду командир танковой роты неполного состава Зиновий Колобанов провел бой, не имеющий аналогов в военной истории, уничтожив в нем ротой 43, а своим экипажем 22 фашистских танка.

«Мир смотрит на равнину...»

Командир танковой роты неполного состава Колобанов 19 августа 1941 года на ближних подступах к Ленинграду провел бой, не имеющий аналогов в военной истории, уничтожив в нем ротой 43, а своим экипажем 22 фашистских танка!

Бой произошел а на внешнем обводе Красногвардейского укрепрайона, у Гатчины, под Войсковицами. Зиновий Григорьевич Колобанов был приглашен на День танкиста в Гатчину. Обещал приехать и командир орудия его экипажа Андрей Михайлович Усов, который за тот бой был награжден орденом Ленина. Тут и поговорить можно будет...

Экипаж KV-1
старшего
лейтенанта
З. Колобанова
(в центре) у
своей боевой
машины.

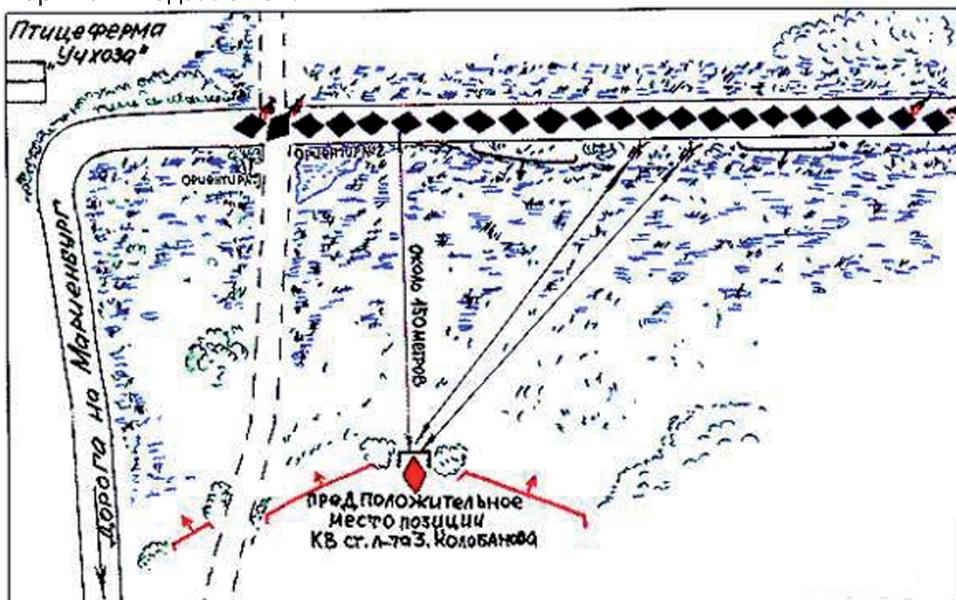
Поле под Войсковицами

И вот с Зиновием Григорьевичем Колобановым и Андреем Михайловичем Усовым мы идем по проселочной дороге за Войсковицами. За спиной - перекресток. Дорога пересекается с шоссе. Перекресток тут был и сорок с лишним лет назад. Только асфальта не было. И та дорога, по которой мы шагаем, вероятно, являлась главной, потому что именно по ней шла колонна фашистских танков.

- Вот птицеферма учхоза,- говорит Колобанов.- Как стояла, так и стоит. Редкий факт. Все пережила. Она и тогда так же выглядела. Было тут множество кур и гусей. А люди, когда мы ее впервые увидели, отсюда уже ушли...

- Помню рядом озерко,- произносит Усов.- Гуси в нем плавали. А теперь его нет. Видимо, заросло.

Оба эти человека внешне не имеют никакого сходства. Колобанов - небольшого роста, подтянутый, суховатый. В его манере держаться, поворачивать голову чувствуется что-то изящное, офицерское. Он в форме подполковника, с орденами. Орден Красного Знамени за тот бой прикреплен к мундиру таким, каким был получен - без ленты. Усов, напротив, высок, с резкими чертами лица и суровым взглядом за сильными стеклами очков. Гляделся бы сугубо гражданским человеком, если бы не знак ветерана и пять рядов орденских планок на груди. Оба сильно взъярены. Что же касается прошедшего тут боя, то по существу никаких сомнений в его картине нет, ибо по сей день, оказывается, хранится в военном архиве документ, который подписан 1 сентября 1941 года. Вот он:

«Краткое описание подвига:

18 августа 1941 года танк старшего лейтенанта Колобанова стал в засаду... 19 августа 1941 года в 14.00 дозорный доложил о движении танковой колонны на совхоз Войсковицы. С подходом головного танка к совхозу тов. Колобанов дал команду артиллеристу открыть огонь по первой и второй машинам, которые загорелись. Тов. Колобанов приказал уничтожить два последних танка, что и было выполнено артиллеристом.

После этого тов. Колобанов корректировал стрельбу артиллериста по танкам... За это время экипажем было уничтожено 22 танка противника, а ротой тов. Колобанова было уничтожено 43 танка противника...»

Многое поменялось тут, под Войсковицами. Сама почва стала суще. Раньше по обеим сторонам дороги тянулись обширные болотины. Высота слева, на которой стоял танк, заросла густым лесом.

Но многое сохранилось. У самой дороги по-прежнему растут, шумят раскидистыми кронами две березы, которые служили танкистам «ориентиром № 1». И поле за перекрестком осталось тем же самым. И точно так же, как и тогда, стоят на нем стога...

«Стоять насмерть!»

С этого приказа все, собственно, и началось. Командира танковой роты Зиновия Колобанова вызвали к командиру 1-й танковой дивизии В.И. Баранову. Штаб находился в подвале собора в Гатчине, которая называлась тогда Красногвардейском.

Колобанов явился по приказу, доложил. Комдив посмотрел на него в упор тяжелым взглядом.

- Карту хорошо читаешь? Ориентируешься свободно?

Колобанов: «Я молчал. Что ответить командиру дивизии? Такой, думаю, сейчас экзамен мне устроит...»

Перед Барановым стоял тридцатилетний старший лейтенант, которого новичком было назвать трудно. Он пришел в танковые войска по комсомольскому призыву. После окончания училища как отличник, который имел право выбирать место службы, выбрал Ленинград, «который любил заочно». Во время советско-финляндской войны прошел от границы до Выборга, трижды горел. Недавно отличился в боях под Ивановским. Его экипаж уничтожил фашистские танк и пушку. Все это знал, конечно, командир дивизии. Но на этот раз он был особенно сдержан и строг.

- Ну-ка взгляни... - Он указал на карту.- Какая это дорога?

- На Лугу.

- Так... А эта?

- На Кингисепп.

- Хорошо. Значит, разбираешься. Так вот, старший лейтенант, своей ротой перекроешь все дороги к Красногвардейску. Так, чтобы ничего немецкого по ним не прошло... - Он остро взглянул на танкиста. - Будете стоять насмерть!.. Обстановку знаешь?

Знал Зиновий Колобанов обстановку. Отступать было уже некуда. Позади - Ленинград.

Колобанов: «Когда я вернулся в роту, там заканчивали погрузку снарядов. Брали по приказу главным образом бронебойные. Два боекомплекта. Это значило, что придется иметь дело с танками противника.

Дорог, которые следовало перекрыть, было три. Я отдал приказ экипажам, направив их на дороги по флангам, сам решил встать на дороге посередине. С командирами танков мы поддерживали связь по радио. Они, как положено, докладывали о выходе на позицию, о маскировке... Пошли и мы. Выбрали ту самую высоту за Войсковицами. Дорога шла мимо нас под небольшим углом отлично просматривалась. Начали оборудовать позицию для засады. А вырыть капонир для «КВ» - это прямо скажу, тяжкий труд. Да еще грунт попался крепкий. Но оборудовали и основную позицию, и запасную. Поставили танк, все тщательно замаскировали». Лихой радист Павел Кисельков мотнул головой в сторону брошенной фермы:

- Командир, гуся бы... А?

- Гуся? - задумался Колобанов. Шуметь, находясь в засаде, было невозможно. - Ладно, Кисельков, ты выстрели. Но только так, чтобы я не слышал.

Радист выполнил приказ в точности. Гуся ощипали, сварили в танковом ведре.

К ночи подошло боевое охранение. Молоденький лейтенант отрапортовал Колобанову. Тот приказал разместить бойцов позади танка и в стороне. Чтобы в случае чего они не попали под орудийный огонь.

Потом отдал экипажу приказ: спать! Самому же ему не спалось

. На рассвете воздух наполнился отвратительным прерывающимся гулом: на большой высоте в сторону Ленинграда шел строй фашистских пикирующих бомбардировщиков. Тут Колобанов понял, что не спит он не один. Кто-то, скрипнув зубами, произнес:

- Когда же мы их бить будем?

- Ладно,- ответил командир.- Когда-нибудь да будем.

День начинался ясный. Солнце поднималось все выше. Тихо, спокойно было под Войсковицами. Из-за маскировки молча глядело на дорогу орудие «КВ».

Колобанов: «Наши машины были изготовлены на Кировском заводе. Здесь же, в ОУТБ (отдельном учебном танковом батальоне), формировались экипажи. Каждый из них принимал участие вместе с рабочими в сборке своей машины. Дистанция обкатки была от Кировского завода до Средней Рогатки. Дальше машины уходили на фронт. Все мы прошли этим путем».

Часов в десять раздалась отчетливая стрельба слева, с Лужского шоссе. Колобанов получил по радио сообщение, что один из экипажей вступил в бой с фашистскими танками.

- А у них вокруг все было спокойно. Только во втором часу дня на дальнем конце дороги появился клуб пыли.

Броня и огонь

- Приготовиться к бою! - отдал приказ командир. Люки были закрыты. Танкисты замерли на своих местах.

Колобанов: «Замечательные, прекрасные люди. Не знаю, поймете ли вы это, но экипаж танка - больше, чем семья. Ведь танк - машина, которая подчиняется коллективу. Здесь необходимы полная слаженность и взаимопонимание. Иначе воевать нельзя. Я понимал и чувствовал каждого: опытнейшего механика-водителя Колю Никифорова, командира орудия, настоящего мастера своего дела Андрея Усова, очень смелого радиста Пашу Киселькова, заряжающего, хорошего человека Колю Роденкова».

Первыми по дороге прошли три мотоцикла с колясками.

- Пропустить! - приказал Колобанов.- Это разведка.

Густая пыль еще не улеглась, когда показалась колонна. Впереди - штабные машины, за ними - танки. Колонна вытягивалась и вытягивалась, ревя моторами, по дороге. Казалось, у нее нет конца.

Голова колонны миновала перекресток и пошла к березкам. Расстояние до нее было всего метров полтораста, и экипаж «КВ» видел все совершенно отчетливо. Танки «Т-III», «Т-IV» шли не как положено - на сокращенной дистанции. Люки были открыты. Часть немцев сидела на броне. Кто-то жевал, кто-то играл на губной гармонике. «Восемнадцать... Двадцать... Двадцать два», - считал Колобанов. И тут же последовали доклады экипажа:

- Командир, двадцать два!

- Двадцать два!..

Дальше все пошло по секундам. В шлемофоне у командира послышался голос комбата И.Б. Шпиллера:

- Колобанов, почему немцев пропускаешь?!

Между тем первый фашистский танк уже приближался к березкам, и Колобанов скомандовал:

- Ориентир первый, по головному, прямой, выстрел под крест, бронебойным - огонь!

Ударил выстрел, остро запахло пороховым дымом. Первый фашистский танк содрогнулся, замер, откуда-то изнутри вырвалось пламя.

Колонна была так длинна, что задние ее танки продолжали накатываться вперед, еще больше сокращая дистанцию между собой. Горел уже второй танк, и Колобанов перенес огонь на хвост колонны, чтобы окончательно запереть ее на болоте.

Фашисты были застигнуты врасплох. Первые выстрелы они произвели по копнам сена, решив, что засада скрывается там. Но через несколько секунд им уже все было ясно. Что думали вражеские танкисты, разворачивая башни и приникая к прицелам? Вероятно, одинокий советский танк казался им просто самоубийцей. Они не знали, что имеют дело с «КВ» и, прежде чем они подобают или уничтожат его, многим из них придется отправиться на тот свет.

Колобанов: «Меня часто спрашивали, было ли мне страшно. Неловко отвечать, могут принять за хвастуна. Но никакого страха я не испытывал. Объясню почему. Я - человек военный. После выхода в отставку я двадцать три года проработал в народном хозяйстве. Но все равно всю жизнь чувствую себя военным. Тогда командир дивизии дал мне приказ «стоять насмерть». Это не какая-то эмоциональная формулировка, а точный приказ. Я принял его к исполнению. Был готов, если надо, умереть. И никаких страхов у меня уже не возникало и возникнуть не могло».

Началась дуэль на дистанции прямого выстрела. Пушка «КВ» била по двадцати фашистским танкам, два десятка фашистских танковых орудий били по «КВ». На его позиции земля кипела, взлетала фонтанами. От маскировки уже не осталось ничего. Фашистские снаряды кромсали 80-миллиметровую «фальшброню» у башни. Танкисты глохли от разрывов, задыхались от пороховых газов, окалина, отскакивая от брони, врезалась им в лицо. Но Усов отправлял по вражеской колонне снаряд за снарядом. Так продолжалось час с лишним.

Колобанов: «Что помнит танкист о бое? Перекрестье прицела. Тут напряжение таково, что время сжимается, на посторонние мысли нет ни секунды. Помню, как мои ребята кричали: «Ура!», «Горит!..» А восстановить какие-то подробности этого боя не могу».

Памятных происшествий было два. Разрывом срезало командирский перископ. Кисельков вылез на броню и установил вместо поврежденного запасной. Затем ударом снаряда заклинило башню. Тут проявил свое мастерство Никифоров, разворачивая всю машину.

А потом разрывы стихли (после боя экипаж «КВ» сосчитал следы попаданий в свой танк - их было 156).

Дорога молчала. Горели все 22 фашистских танка. В их бронированных утробах продолжали рваться боеприпасы, тяжелый синий дым тянулся над равниной.

Внезапно Колобанов заметил, что из-за деревьев фашисты выкатили противотанковую пушку.

- Ориентир...- закричал он.- Прямой под щит, осколочным - огонь!

Пушка взлетела на воздух, за ней - точно так же - вторая, потом третья.

Снова наступила долгая тишина. Они сменили позицию, перешли на запасную. По радио раздался громкий голос Шпиллера:

- Колобанов, как у тебя? Горят?

- Хорошо горят, товарищ комбат!

Вскоре подошла легкая безбашенная машина. На землю вслед за Шпиллером с нее спрыгнул человек с киноаппаратом в руках. Прильнув к видеоискателю, он снял длинную панораму горящей колонны.

Они еще оставались на позиции. Потом начали бой с фашистскими танками, которые повернули сюда, получив удар на Лужской дороге. Но тут кончились бронебойные снаряды. Колобанов доложил об этом комбату и получил приказ отойти для пополнения боезапаса.

Разные судьбы

Об этом бое поэт Александр Гитович тогда же написал поэму «Танкист Зиновий Колобанов». Я приведу из нее несколько четверостиший, и будет видно, что она достаточно точно передает события:

Все это было так:
В молчании суровом
Стоит тяжелый танк,
В леске замаскирован,
 Враги идут толпой
Железных истуканов,
 Но принимает бой
Зиновий Колобанов.
И сквозь разрывов грохот
Мир смотрит на равнину,

Где старший лейтенант
Повел на бой машину.
Он бьет врагов подряд,
Как богатырь былинный,
 Вокруг него лежат
Подбитые машины,
Уже их двадцать две,
Как бурей разметало,
 Они лежат в траве
Обломками металла...

Под поэмой стоят слова: «26 сентября 1941. Действующая армия». Она была опубликована во фронтовой газете. Читали ее во всех частях. Но герой поэмы прочесть ее не мог. Уже пятье сутки он находился в тяжелом беспамятстве.

Колобанов: «Случилось это 21 сентября. Ночью. На кладбище в Пушкине. Туда гэсээмовцы приезжали заправлять нас, туда подвозили боезапас. Помню, вылез я из машины, вдруг - разрыв, меня подняло в воздух и отбросило. Сознание я потерял не сразу, сгоряча пытался двигаться. А вот как меня вывозили, уже не помню...»

В госпитальных документах записано: «Осколочное поражение головы и позвоночника. Контузия головного и спинного мозга». В 1942 году в тяжелейшем состоянии его переправили через Ладогу на Большую землю. Он лежал пластом в 1943 и в 1944 годах. Потом начал вставать, ходить с помощью палки.

Колобанов: «Почему-то я был убежден, что не умру. Но оказался калекой. Все тело ходуном ходило, голова тряслась. В госпитале, кстати, мне довелось заново увидеть бой под Войсковицами: кадры, снятые там, вошли в один из выпусков военной кинохроники.

Набравшись сил и смелости, попросился опять в родную армию. Пришлось, конечно, палку выбросить, держаться. Великое счастье: взяли. Служил. Товарищи понимали меня, помогали. Спасибо им. Могу только сказать, что солдатский хлеб я ел не даром: со временем мой танковый батальон был признан лучшим в армии, командующий вручил мне именное охотничье ружье.

Только после войны я узнал о существовании поэмы. Александр Гитович уже умер, вышла книжка его стихов. Друзья прислали мне ее из Ленинграда».

Было в жизни Зиновия Григорьевича еще одно тяжелейшее испытание. В первый день войны он расстался с беременной женой, и все эти годы ничего не знал о ней. Зиновий Григорьевич и Александра Григорьевна нашли друг друга после войны «по радио». Были тогда такие передачи, которые помогали людям разыскивать близких. И встретились - израненный танкист и измученная, пережившая эвакуации последовательно из четырех городов женщина с маленьким сыном на руках.

Счастливой оказалась судьба командира орудия Андрея Михайловича Усова. Он с боями прошел до конца, до Германии. Вернулся на родную Витебщину, был секретарем райкома партии.

Отчаянный радиосталик Павел Кисельков погиб вскоре после того, как был ранен командир, - в бою на Невском «пятачке». В Ленинграде сейчас живут его вдова и дочь.

Погиб и заряжающий, хороший человек, красноармеец Николай Роденков.

О судьбе бывшего механика-водителя Николая Ивановича Никифорова в то

время, когда я собирал материал для очерка и беседовал с Колобановым, существовали две версии. По одной - он не вернулся с войны. По другой - жив, живет в Пятигорске, инвалид в коляске, слепой.

Но когда очерк был опубликован, прислала письмо его вдова Тамара Александровна. Она сообщила, что Николай Иванович, так же как и Усов, прошел войну до конца, а затем остался служить в Советской Армии, обучал молодых танкистов. В 1974 году он скончался от тяжелой болезни легких. Похоронен в своей родной деревне Борки Ломоносовского района.

«Мир смотрит на равнину...» Великое достоинство поэтического образа состоит в том, что несколькими простейшими словами передается величие события. Что ж, бой танковой роты Колобанова на Красногвардейском рубеже достоин того, чтобы на него смотрел мир.

И. Б. Лисочкин, журналист. 1992 год

Танк Ласточкина (из роты Колобанова) таранит противника.
Рисунок Дениса Базуева

**СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
Зиновий КОЛОБАНОВ**

1 против 22

**В августе 1941 года экипаж танка
старшего лейтенант Колобанова в бою у деревни
Войсковицы уничтожил 22 немецких танка.
Всего в этот день его рота из 5 КВ подбила
43 вражеских танка**

Танк Колобанова ведет бой с немецкой колонной. Рисунок Дениса Базуева

Храм иконы Божией Матери “Всех скорбящих Радость” на Шпалерной улице Санкт-Петербурга

Мотоклуб OST MC